

芭蕉

МАЦУО
БАСЁ

«Лик вечерней луны».
Хайку

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5
М 36

Перевод с японского
Веры Марковой и Наталии Фельдман

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Кохо Шода «Лунное море». 1920

*Ранее сборник выходил под названием
«По тропинкам Севера».*

- © В. Н. Маркова (наследник), перевод,
статья, примечания, 2020
- © Н. И. Фельдман (наследник), перевод,
примечания, 2020
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18032-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XVII столетия по дорогам Японии долгие годы странствовал человек уже не первой молодости и некрепкого здоровья, по виду похожий на нищего. Не раз, вероятно, слуги какого-нибудь знатного феодала сгоняли его с дороги, но ни один именитый князь того времени не удостоился той посмертной славы, которая выпала на долю этому неприметному путнику — великому японскому поэту Басё.

Многие художники с любовью рисовали образ странника-поэта, и сам Басё умел, как никто другой, взглянуть на себя острым глазом, со стороны.

Вот, опираясь на посох, идет он горной дорогой в осеннюю непогоду. Потрепанный халат из плотной, покрытой лаком бумаги, плащ из тростника, соломенные сандалии плохо защищают от холода и дождя. Но поэт еще находит в себе силы улыбнуться:

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

В небольшой дорожной суме хранится самое насущное: две-три любимые книги стихов, тушеч-

ница, флейта. Голову прикрывает большая, как зонт, шляпа, плетенная из кипарисовых стружек. Словно усики плюща, вьются по ее полям узоры письмен: путевые записи, стихи.

Никакие дорожные трудности не могли остановить Басё: он трясся в седле зимою, когда самая тень его «леденела на спине у коня»; шел пешком с крутизны на крутизну в разгар летней жары; ночевал где придется — «на подушке из травы», в горном храме, на неприятном постоялом дворе... Случалось ему отдыхать на гребне горного перевала, «за дальней далью облаков». Жаворонки парили у него под ногами, а до конца пути оставалась еще «половина неба».

В его время были модными «эстетские прогулки» на лоне природы. Но никак нельзя сравнивать их со странствиями Басё. Дорожные впечатления служили строительным материалом для его творчества. Он не жалел трудов — и даже самой своей жизни, — чтобы добыть их. После каждого из его путешествий появлялся сборник стихов — новая веха в истории японской поэзии. Путевые дневники Басё в стихах и прозе принадлежат к самым замечательным памятникам японской литературы.

В 1644 году в замковом городе Уэно провинции Ига у небогатого самурая Мацуо Ёдзаэмона родился третий ребенок, сын, будущий великий поэт Басё.

Когда мальчик подрос, ему дали имя Мунэфуса взамен прежних детских прозвищ. Басё — литературный псевдоним, но он вытеснил из памяти потомков все прочие имена и прозвища поэта.

Провинция Ига была расположена в самой колыбели старой японской культуры, в центре главного острова — Хонсю. Многие места на родине Басё известны своей красотой, а народная память сохранила там в изобилии песни, легенды и старинные обычаи. Славилось и народное искусство провинции Ига, где умели делать чудесный фарфор. Поэт очень любил свою родину и нередко на склоне лет посещал ее.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

Так изобразил он то чувство, какое испытывает человек, увидев после долгого перерыва дом своего детства. Все, что раньше казалось привычным, вдруг чудесно преображается, как старое дерево весною. Радость узнавания, внезапное постижение красоты, такой знакомой, что ее уже не замечаешь, — вот одна из самых значительных тем поэзии Басё.

Родные поэта были людьми образованными, что предполагало в первую очередь знание китайских классиков. И отец, и старший брат кормились тем, что преподавали каллиграфию. Такие мирные профессии стали в то время уделом многих самураев.

Кончились средневековые распри и междоусобицы, когда воин мог прославить себя ратным подвигом и завоевать мечом высокое положение. Поля великих битв поросли травой.

В начале XVII столетия одному из феодалов удалось взять верх над другими и установить в стране

сильную центральную власть. В течение двух с половиной столетий потомки его — князья из рода Токугава — правили Японией (1603–1867). Резиденцией верховного правителя был город Эдо (ныне Токио). Однако столицей по-прежнему назывался город Киото, где жил лишенный всякой власти император. При его дворе звучала старинная музыка, на поэтических турнирах слагались стихи классической формы (танка).

«Замирение страны» способствовало росту городов, развитию торговли, ремесел и искусства. В основе официально принятого в стране уклада все еще лежало натуральное хозяйство, но в конце XVII века большую силу обретают деньги. И эта новая сила властно вторгалась в человеческие судьбы.

В руках менял, оптовых торговцев, ростовщиков, виноделов сосредоточились огромные богатства, в то время как в тесных улочках предместья царила неопишуемая нищета. Но, несмотря на трудности городской жизни, несмотря на бедность и скученность, все же притягательная сила города была очень велика.

В годы Гэнроку (1688–1703) городская культура достигла пышного расцвета. Простые предметы быта становились в руках умельцев замечательными произведениями искусства. Резные брелоки, нэцке, ширмы, веера, шкатулки, гарды мечей, цветные гравюры и многое другое, созданное в ту эпоху, служит теперь украшением музеев. Недорогие книги с превосходными иллюстрациями, печатавшиеся ксилографическим способом с резных деревянных досок, выходили большими для того времени тира-

жами. Купцы, подмастерья, сидельцы в лавках полюбили романы, модные стихи и театр.

В японской литературе появилось созвездие ярких талантов: кроме Басё, в него входили романист Ихара Сайкаку (1642–1693) и драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653–1724). Все они, столь непохожие друг на друга — глубокий и мудрый Басё, ироничный, земной Сайкаку и Тикамацу Мондзаэмон, достигавший в своих пьесах высокого накала страстей, — имеют между собой нечто общее: их роднит эпоха. Горожане любили жизнь. От искусства они требовали достоверности, точных жизненных наблюдений. Сама его исторически возникшая условность все более пронизывается реализмом.

Басё было двадцать восемь лет, когда в 1672 году, вопреки уговорам и предостережениям родных, он оставил службу в доме местного феодала и, полный честолюбивых надежд, отправился в Эдо с томиком своих стихов.

К тому времени Басё уже получил некоторую известность как поэт. Стихи его публиковались в столичных сборниках, его приглашали участвовать в поэтических турнирах...

Покидая родину, он прикрепил к воротам дома, где жил его друг, листок со стихами:

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

Весной один дикий гусь улетает к северу, где ждет его новая жизнь; другой, опечаленный, остается на старом месте. Стихотворение дышит юно-

шеским романтизмом, сквозь грусть разлуки чувствуется радость полета в неведомую даль.

В Эдо поэт примкнул к последователям школы Данрин. Они брали материал для своего творчества из жизни горожан и, расширяя поэтический словарь, не чуждались так называемых прозаизмов. Эта школа была новаторской для своего времени. Стихи, написанные в стиле Данрин, звучали свежо и свободно, но чаще всего они были только жанровыми картинками. Почувствовав идейную ограниченность и тематическую узость современной ему японской поэзии, Басё в начале восьмидесятых годов обратился к классической китайской поэзии VIII–XII веков. В ней нашел он широкую концепцию мироздания и того места, которое занимает в нем человек как творец и мыслитель, зрелую гражданскую мысль, подлинную силу чувства, понимание высокой миссии поэта. Больше всего Басё любил стихи великого Ду Фу. Можно говорить об их прямом влиянии на творчество Басё.

Внимательно изучал он и насыщенную поэтическими образами философию Чжуан-цзы (369–290 гг. до н. э.), и буддийскую философию секты Дзен, идеи которой оказали большое влияние на японское средневековое искусство.

Жизнь Басё в Эдо сложилась трудно. С помощью какого-то доброхота он устроился на государственную службу по ведомству строительства водных путей, но вскоре оставил эту должность. Он стал учителем поэзии, однако его молодые ученики были богаты только талантом. Лишь один из них,

Сампу, сын состоятельного рыбника, нашел средство по-настоящему помочь поэту: он уговорил своего отца подарить Басё маленькую хижину-сторожку возле небольшого пруда, который одно время служил рыбным садком. Басё написал по этому поводу: «Девять лет я вел бедственную жизнь в городе и наконец переехал в предместье Фукагава. Мудро сказал в старину один человек: „Столица Чанъань — издревле средоточие славы и богатства, но трудно в ней прожить тому, у кого нет денег“. Я тоже так думаю, ибо я нищий»¹.

В стихах, созданных в начале восьмидесятых годов, Басё любил рисовать свою убогую Банановую хижину (Басё-ан), названную им так потому, что он посадил возле нее саженцы банановой пальмы. Детально изобразил он и весь окрестный пейзаж: топкий, поросший тростником берег реки Сумида, чайные кусты, маленький заглохший пруд. Хижина стояла на окраине города, весной только крики лягушек нарушали тишину. Поэт принял новый литературный псевдоним Живущий в Банановой хижине и наконец начал подписывать свои стихи просто Басё (Банановое дерево).

Даже воду зимой приходилось покупать. «Горька вода из мерзлого кувшина», — писал он. Басё остро ощущал себя городским бедняком. Но вместо того чтобы скрывать свою нищету, как другие, он говорил о ней с гордостью. Нищета стала как бы символом его духовной независимости.

¹ Басё имеет в виду слова великого китайского поэта Бо Цзюй-и (772–846); Чанъань — столица Танского государства в Китае (VII–IX вв.).

В среде горожан был силен дух стяжания, мещанского скопидомства, скряжничества, но купцы не прочь были оказать покровительство тем, кто умел их забавлять. Люди искусства сплошь да рядом состояли приживалами при купцах-толстосумах. Находились такие стихотворцы, которые слагали в один день сотни и тысячи строф и этим создавали себе легкую славу. Не в этом видел назначение поэта Басё. Он рисует в своих стихах идеальный образ свободного поэта-философа, чуткого к красоте и равнодушного к жизненным благам... Если тыква-горлянка, служившая в хижине Басё кувшином для рисового зерна, опустела — ну что же: он вставит в горлышко ее цветок!

Но, равнодушный к тому, что больше всего ценили другие, Басё с величайшей требовательностью и заботой относился к своему творчеству.

Стихи Басё, несмотря на предельный лаконизм их формы, никак нельзя рассматривать как беглые экспромты. Это плоды не только вдохновения, но и очень большого, напряженного труда. «Тот человек, который за всю свою жизнь создал всего три-пять превосходных стихотворений, — настоящий поэт, — сказал Басё одному из своих учеников. — Тот же, кто создал десять, — замечательный мастер».

Многие поэты, современники Басё, относились к своему творчеству, как к игре. Философская лирика Басё была явлением новым, небывалым и по серьезности тона, и по глубине идей. Творить он должен был в пределах традиционных поэтических форм (инерция их была очень велика), но ему удалось вдохнуть в эти формы новую жизнь. В свою

эпоху он ценился как непревзойденный мастер «сцепленных строф» (рэнку) и трехстиший (хайку), но только последние полностью выдержали испытание временем.

Форма лирической миниатюры требовала от поэта жестокого самоограничения и в то же время, придавая весомость каждому слову, позволяла многое сказать и еще больше подсказать читателю, разбудив его творческое воображение. Японская поэтика учитывала встречную работу мысли читателя. Так удар смычка и ответное дрожание струны вместе рождают музыку.

Танка — очень древняя форма японской поэзии. Басё, сам не сочинявший танки, был большим знатоком старинных антологий. Особенно он любил поэта Сайгё, который жил отшельником в мрачные годы междоусобных войн XII века. Стихи его удивительно просты и словно идут от самого сердца. Природа для Сайгё была последним прибежищем, где в горной хижине он мог оплакивать гибель друзей и несчастья страны. Трагический образ Сайгё все время возникает в поэзии Басё и как бы сопутствует ему в его скитаниях, хотя и эпохи, в которые жили эти поэты, и их социальное бытие были весьма различны.

С течением времени танка стала четко делиться на две строфы. Иногда их сочиняли два разных поэта. Получался своего рода поэтический диалог. Его можно было продолжать как угодно долго, при любом количестве участников. Так родились «сцепленные строфы» — поэтическая форма, очень популярная в Средние века.

В «сцепленных строфах» чередовались трехстишия и двустишия. Соединяя их по два, можно было получить сложную строфу — пятистишие (танка). Единого сюжета в этой длинной цепи стихотворений не было. Ценилось умение сделать неожиданный поворот темы; вместе с тем каждая строфа сложнейшим образом перекликалась с соседними. Так камень, вынутый из ожерелья, бывает хорош сам по себе, но в сочетании с другими приобретает новую, дополнительную, прелесть.

Первая строфа называлась хайку. Постепенно хайку, отделившись от «сцепленных строф», сделалось самостоятельной поэтической формой и завоевало огромную популярность среди горожан¹.

В основном хайку — лирическое стихотворение о природе, в котором непременно указывается время года.

В поэзии Басё круговорот времен года — изменчивый, подвижный фон, на котором яснее прописываются сложная душевная жизнь человека и непостоянство человеческой судьбы.

«Идеальный», освобожденный от всего «грубого» пейзаж — так рисовала природу старая классическая поэзия. В хайку поэзия вновь обрела зрение. Человек в хайку не статичен, он дан в движении: вот уличный разносчик бредет сквозь снежный вихрь, а вот работник вертит мельницу-крупорушку. Та пропасть, которая уже в X веке легла между

¹ Второе распространенное в Японии название для этой формы — «хайку» — было введено в литературный обиход поэтом Масаокой Сики только в конце XIX века. Бытует также термин «хайкай» — стихотворение «шутейного» жанра.

литературной поэзией и народной песней, стала менее широкой. Ворон, долбящий клювом улитку на рисовом поле, — образ этот встречается и в хайку, и в народной песне. Многие сельские грамотеи, как об этом свидетельствует Басё, полюбили хайку.

В 1680 году Басё создал первоначальный вариант знаменитого в истории японской поэзии стихотворения:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

К работе над этим стихотворением поэт возвращался в течение нескольких лет, пока не создал окончательный текст. Это одно говорит о том, как упорно Басё работал над каждым словом. Он отказывается здесь от игры формальными приемами, столь ценимой многими современными ему мастерами поэзии, которые именно этим и создали себе известность. Годы ученичества кончились. Басё нашел наконец свой путь в искусстве.

Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью. Ничего лишнего, все предельно просто. При помощи нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени. Чувствуется отсутствие ветра, природа словно замерла в грустной неподвижности. Поэтический образ, казалось бы, чуть намечен, но обладает большой емкостью и, завораживая, уводит за собой. Кажется, что смотришь в воды реки, дно которой очень глубоко. И в то же время он предельно конкретен. Поэт изобразил реальный пейзаж возле своей хижины и через

него — свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, а о своем собственном.

Воображению читателя оставлен большой простор. Вместе с поэтом он может испытать чувство печали, навеянное осенней природой, или разделить с ним тоску, рожденную глубоко личными переживаниями. Если он знаком с китайскими классиками, он может вспомнить «Осенние песни» Ду Фу и оценить своеобразное мастерство японского поэта. Человек, сведущий в древней философии Китая (учении Лао-цзы и Чжуан-цзы), мог проникнуться созерцательным настроением и почувствовать себя сопричастным сокровенным тайнам природы. Увидеть в малом великое — такова одна из главных идей поэзии Басё.

В основу созданной им поэтики Басё положил эстетический принцип «саби». Слово это не поддается буквальному переводу. Его первоначальное значение — «печаль одиночества». «Саби» как особая концепция красоты определил собой весь стиль японского искусства в Средние века. Красота, согласно этому принципу, должна была выражать сложное содержание в простых, строгих формах, располагавших к созерцанию. Покой, притушенность красок, элегическая грусть, гармония, достигнутая скупыми средствами, — таково искусство «саби», звавшее к сосредоточенной созерцательности, к отрешению от повседневной суеты.

«Саби», как его широко толковал Басё, впитал в себя квинтэссенцию классической японской эстетики и философии и значил для него то же, что «идеальная любовь» для Данте и Петрарки. Сооб-

щая возвышенный строй мыслям и чувствам, «саби» становился родником поэзии.

Поэтика, основанная на принципе «саби», нашла свое наиболее полное воплощение в пяти стихотворных сборниках, созданных Басё и его учениками в 1684–1691 годах: «Зимние дни», «Весенние дни», «Заглохшее поле», «Тыква-горлянка» и «Соломенный плащ обезьяны» (книга первая).

Несмотря на свою идейную глубину, принцип «саби» не позволял изобразить живую красоту мира во всей ее полноте. Такой большой художник, как Басё, должен был неизбежно это почувствовать. Поиски скрытой сущности каждого отдельного явления становились однообразно утомительными. Кроме того, философская лирика природы, согласно принципу «саби», отводила человеку только роль пассивного созерцателя.

В последние годы жизни Басё провозгласил новый ведущий принцип поэтики — «каруми» (легкость). Он сказал своим ученикам: «Отныне я стремлюсь к стихам, которые были бы мелки, как река Сунагава („Песчаная река“»).

Слова поэта не следует понимать слишком буквально, скорее, в них звучит вызов подражателям, которые, слепо следуя готовым образцам, стали во множестве сочинять стихи с претензией на глубокомыслие. Поздние стихи Басё отнюдь не мелки, они отличаются высокой простотой, потому что говорят о простых человеческих делах и чувствах. Стихи становятся легкими, прозрачными, текучими. В них сквозит тонкий, добрый юмор, теплое сочувствие к людям много видевшего, много испы-

тавшего человека. Великий поэт-гуманист не мог замкнуться в условном мире возвышенной поэзии природы. Вот картинка из крестьянского быта:

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

А вот в городе готовятся к новомуднему празднику:

Обметають копоть.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

В подтексте этих стихотворений — сочувственная улыбка, а не насмешка, как это бывало у других поэтов. Басё не разрешает себе никакого гротеска, искажающего образ.

Памятником нового стиля Басё являются два поэтических сборника: «Мешок угля» (1694) и «Соломенный плащ обезьяны» (книга вторая), вышедший уже после смерти Басё, в 1698 году.

Творческая манера поэта не была постоянной, она несколько раз менялась в соответствии с его духовным ростом. Поэзия Басё — летопись его жизни. Внимательный читатель, перечитывая стихи Басё, каждый раз открывает что-то новое для себя. Это и есть одно из замечательных свойств действительно великой поэзии.

Значительная часть стихотворений Басё — плоды его путевых раздумий. Многие стихи, полные пронзающей силы, посвящены умершим друзьям. Есть стихи на случай (и некоторые из них превосходны): в похвалу гостеприимному хозяину, в знак

благодарности за присланный подарок, приглашения друзьям, подписи к картинам. Маленькие мадригалы, крошечные элегии, но как много в них сказано! Как слышится в них жажда человеческого участия, просьба не позабыть, не ранить обидным равнодушием! Не раз поэт отказывался от своих слишком забывчивых друзей, запирали дверь хижины, чтобы скорее отворить ее снова.

«Хайку нельзя составлять из разных кусков, как ты это сделал, — говорил Басё своему ученику. — Его надо ковать, как золото». Каждое стихотворение Басё — гармоническое целое, все элементы которого подчинены единой задаче: наиболее полно выразить поэтическую мысль.

Басё создал пять путевых дневников, написанных лирической прозой в чередовании со стихами: «Кости, белеющие в поле», «Путешествие в Касиму», «Письма странствующего поэта», «Дневник путешествия Сарасина» и наиболее известный — «По тропинкам Севера». Лирическая проза его отмечена чертами того же стиля, что и хайку: она сочетает изящество с «прозаизмом» и даже простонародностью многих выражений, предельно лаконична и богата скрытым эмоциональным подтекстом. И в ней тоже, как и в поэзии, Басё сочетал верность старинным традициям с умением увидеть жизнь по-новому.

Зимой 1682 года пожар уничтожил значительную часть Эдо, сгорела и Банановая хижина Басё. Это, как он сам говорит, дало окончательный толчок давно созревшему в нем решению отправиться странствовать. Осенью 1684 года он покинул Эдо

в сопровождении одного из своих учеников. Десять лет с небольшими перерывами странствовал Басё по Японии. Иногда он возвращался в Эдо, где друзья отстроили его Банановую хижину. Но вскоре вновь его, «как послушное облачко», увлекал ветер странствий. Он скончался в городе Осака, окруженный своими учениками.

Басё шел по дорогам Японии, как посол самой поэзии, зажигая в людях любовь к ней и приобщая их к подлинному искусству. Он умел найти и пробудить творческий дар даже в профессиональном нищем. Басё проникал иногда в самую глубь гор, где «никто не подберет с земли упавший плод дикого каштана», но, цenia уединение, все же никогда не был отшельником. В странствиях своих он не бежал от людей, а сближался с ними. Длинной чередой проходят в его стихах крестьяне за полевыми работами, погонщики лошадей, рыбаки, сборщики чайных листьев.

Басё запечатлел их чуткую любовь к красоте. Крестьянин разгибает на миг свою спину, чтобы полюбоваться полной луной или послушать столь любимый в Японии крик кукушки. Порой Басё изображает природу в восприятии крестьянина, как бы отождествляя себя с ним. Он радуется густым колосьям в поле или тревожится о том, что ранние дожди испортят солому. Глубокое участие к людям, тонкое понимание их душевного мира — одно из лучших свойств Басё как поэта-гуманиста. Вот почему в разных уголках страны как праздника ждали его прихода.

С удивительной силой духа Басё стремился к большой, поставленной им себе цели. Поэзия в его время пришла в упадок, и он чувствовал себя призванным поднять ее до уровня высокого искусства. Дорога странствий стала творческой мастерской Басё. Новую поэзию нельзя было создать, запершись в четырех стенах.

«„Великий учитель с Южной горы“¹ заповедал некогда: „Не иди по следам древних, но ищи то, что искали они“. Это верно и для поэзии», — такую мысль высказал Басё в прощальном напутствии одному из своих учеников. Иными словами, для того чтобы уподобиться поэтам древности, надо было не просто подражать им, но заново пройти их путь, увидеть то, что видели они, заразиться их творческим волнением, но писать по-своему.

Лирическая поэзия Японии традиционно воспевала природу, например красоту кустарника хаги. Осенью его тонкие гибкие ветки покрываются бело-розовыми цветами. Любование цветами хаги — этим исчерпывалась в старину тема стихотворения. Но вслушайтесь, как говорит Басё об одиноком путнике в поле:

Намокший, идет под дождем...
Но песни достоин и этот путник,
Не только хаги в цвету.

Образы природы в поэзии Басё очень часто имеют второй план, иносказательно говоря о человеке и его жизни. Алый стручок перца, зеленая скорлу-

¹ Имеется в виду Кобо-дайси (774–835) — буддийский проповедник, поэт, писатель и ученый.

па каштана осенью, дерево сливы зимою — символы непобедимости человеческого духа. Осьминог в ловушке, спящая цикада на листке, унесенная потоком воды, — в этих образах поэт выразил свое чувство непрочности бытия, свои размышления о трагизме человеческой судьбы.

Многие стихи Басё навеяны преданиями, легендами и сказками. Его понимание красоты имело глубокие народные корни.

Для Басё было характерно ощущение нерасторжимого единства природы и человека, а за плечами людей своего времени он всегда чувствовал дыхание огромной, уходящей в глубь веков истории. В ней он находил прочную почву для искусства.

В эпоху Басё простым людям жилось очень трудно и в городе и в деревне. Поэт был свидетелем многих бедствий. Он видел детей, покинутых на верную гибель обнищавшими родителями. В самом начале дневника «Кости, белеющие в поле» есть такая запись:

«Возле реки Фудзи я услышал, как жалобно плачет покинутый ребенок лет трех от роду. Унесло его быстрым течением, и не было у него сил вынести натиск волн нашего скорбного мира. Брошенный, он горюет о своих близких, пока еще теплится в нем жизнь, летучая, как росинка. О маленький кустик хаги, нынче ли ночью ты облетишь или завтра увянешь? Проходя мимо, я бросил ребенку немного еды из своего рукава.

Грустите вы, слушая крик обезьян,
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?»

Сын своего времени, Басё, однако, говорит дальше, что в гибели ребенка не повинен никто, так предрешило веление неба. «Человек во власти грозной судьбы» — такая концепция человеческой жизни неизбежно порождает чувство незащищенности, одиночества, печали. Современный прогрессивный писатель и литературовед Такакура Тэру отмечает:

«По моему мнению, новая литература Японии начинается с Басё. Именно он острее всех, с наибольшей болью выразил страдания японского народа, которые выпали ему на долю в эпоху перехода от Средних веков к Новому времени»¹.

Печаль, звучащая во многих стихах Басё, имела не только философские и религиозные корни и не была только отзвуком его личной судьбы. Поэзия Басё выразила трагизм переходной эпохи, одной из самых значительных в истории Японии, и потому была близка и понятна его современникам.

Творчество Басё так многогранно, что его трудно свести к одному знаменателю. Он сам называл себя «печальником», но был и великим жизнелюбцем. Радость внезапной встречи с прекрасным, веселые игры с детьми, яркие зарисовки быта и нравов, — с какой душевной щедростью поэт расточает все новые и новые краски для изображения мира! В конце своей жизни Басё пришел к той мудрой и просветленной красоте, которая доступна только большому мастеру.

¹ Такакура Тэру. Новая японская литература. Токио: Рирон-ся, 1953. С. 90.

Поэтическое наследие, оставленное Мацуо Басё, включает хайку и «сцепленные строфы». В числе его прозаических сочинений — дневники, предисловия к книгам и отдельным стихам, письма. Они содержат немало мыслей Басё об искусстве. Кроме того, ученики записали его беседы с ними. В этих беседах Басё выступает как своеобразный и глубокий мыслитель.

Он основал школу, совершившую переворот в японской поэзии. Среди его учеников были такие высокоодаренные поэты, как Кикаку, Рансэцу, Дзёсо, Кёсай, Сампу, Сикó.

Нет японца, который не знал бы на память хотя бы несколько стихотворений Басё. Появляются новые издания его стихов, новые книги о его творчестве. Великий поэт с годами не уходит от своих поэтомков, а приближается к ним.

По-прежнему любима, популярна и продолжает развиваться лирическая поэзия хайку, фактическим создателем которой был Басё.

Читая стихи Басё, следует помнить одно: все они короткие, но в каждом из них поэт искал путь от сердца к сердцу.

В. Маркова

Трехстишия

Луна — путеводный знак —
Просит: «Сюда пожалуйста!»
Дорожный приют в горах.

Наскучив долгим дождем,
Ночью сосны прогнали его...
Ветви в первом снегу.

Сыплются льдинки.
Снега белая занавесь
В мелких узорах.

Отцу, потерявшему сына

Поник головой, —
Словно весь мир опрокинут, —
Под снегом бамбук.

Ирис на берегу.
А вот другой — до чего похож!
Отражение в воде.

Вечерним вьюнком
Я в плен захвачен... Недвижно
Стою в забытьи.

Бутоны вишневых цветов,
Скорей улыбнитесь все сразу
Прихотям ветерка!

В ответ на просьбу сочинить стихи

Вишни в весеннем расцвете.
Но я — о горе! — бессилён открыть
Мешок, где спрятаны песни.

Люди вокруг веселятся —
И только... В стремнину реки Хацусэ
Глядят невоспетые вишни.

Ива свесила нити...
Никак не уйду домой —
Ноги запутались.

Перед вишней в цвету
Померкла в облачной дымке
Пристыженная луна.

Покидая родину

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Маркова. Предисловие</i>	5
<i>ТРЕХСТИШИЯ. Перевод В. Марковой</i>	25
<i>СЦЕПЛЕННЫЕ СТРОФЫ. Рэнку</i> <i>Перевод В. Марковой</i>	203
<i>ПО ТРОПИНКАМ СЕВЕРА</i> <i>Перевод Н. Фельдман</i>	217
<i>Примечания. В. Маркова, Н. Фельдман</i>	257

Мацуо Басё

М 36 «Лик вечерней луны». Хайку / Мацуо Басё ; пер. с яп. В. Марковой, Н. Фельдман. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-18032-1

Великий японский поэт Мацуо Басё справедливо считается создателем популярного ныне на весь мир поэтического жанра хайку. Его усилиями трехстишия из чисто игровой, полушуточной поэзии постепенно превратились в высокое поэтическое искусство, проникнутое духом дзен-буддийской философии. Помимо многочисленных хайку и «сцепленных строф» в литературное наследие Басё входят путевые дневники, самый знаменитый из которых, «По тропинкам Севера», наряду с лучшими стихотворениями, представлен в настоящем издании.

Творчество Басё так многогранно, что его трудно свести к одному знаменателю. Он сам называл себя «печальником», но был и великим миролюбом. Читая стихи Басё, следует помнить одно: все они коротки, но в каждом из них поэт искал путь от сердца к сердцу.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5

Литературно-художественное издание

МАЦУО БАСЁ

«ЛИК ВЕЧЕРНЕЙ ЛУНЫ». ХАЙКУ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.03.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-26601-01-R